

ГЛАВА 1

С высоты холма Серп-озеро было как на ладони. В окружении соснового и липового заповедного леса. Озеро питалось от подземных ключей, и в любую пору вода в нем была чистой и прозрачной. Ни ряски, ни тины, ни каймы из болотных камышей. Спокойно-торжественная вода серебристо-изумрудного оттенка, вдоль дальнего берега — темно-зеленая бахрома, отраженье лесной гряды. Широкое озеро, глубокое, прохладное. А в небе жаркое солнце — казалось, не выдержали беледые облака его палящих лучей, спустились в свежие воды, плещутся в них, охлаждаются, чтобы снова затем воспарить в знойную высь.

Машина шла под уклон, и озеро все ближе, и село, приютившееся на пологом берегу. Церковь с золочеными куполами, кирпичные дома и бревенчатые избы, утопающие в зелени улицы.

Патриархальность деревенского пейзажа нарушали большие коттеджи с пластиковыми окнами и спутниковыми тарелками на черепичных крышах. В самом селе таких домов было не очень много, но чуть в стороне, по другую сторону дороги, разлеглись особняки элитного поселка. На берегу, непосредственно у воды — всего семь-восемь домов. На второй, менее престижной, линии, коттеджей побольше, на третьей — и вовсе не

счесть. Все линии дальней своей стороной упирались в ограду заповедного леса, а над последней, четвертой, нависал крутой обрывистый склон косогора.

Грузный краснощекий мужчина в милицейской форме смотрел на элитный поселок с завистью и начальственным осуждением. Плешивая голова, светлые выгоревшие брови, по-утиному приплюснутый нос. На плечах мятые погоны с майорскими звездами.

— Сколько раз говорил, что Серебровка уже давно не та, что прежде, — ворчал он. — Половину села дачники скупили, опять же коттеджей понастроили — людей раза в три больше прежнего. Криминогенность растет, а на все про все — один участковый. Говорил, говорил начальству, а все как об стенку горох...

— Почему как об стенку? — неохотно отозвался второй мужчина.

Рослый, плечистый, холеный и лощеный. Темно-русые густые волосы, аккуратная прическа, черные щетинистые брови, римский нос, волевой подбородок. Возрасту он был сорока трех лет, но лицо свежее, здорового цвета, ни единой морщинки. Новенький, безупречно пошитый милицейский мундир смотрелся на нем так же солидно, как фрак на лорде из английского парламента. И сам по себе он выглядел настолько важно и значимо, что его можно было бы принять за милицейского генерала, если бы не капитанские погоны.

— Я к вам назначен... Этого что, мало? — спросил он, меланхолично усмехнувшись.

— Если бы только тебя, уважаемый Марк Илларионович. Участкового добавили, двух помощников, младшего состава. Пять человек в штате. Пять! Больше, чем надо!..

— Это плохо?

— Нет. Но на других участках людей не хватает... Хо-

тел одного участкового у вас забрать — не дали! А все почему?

— Почему?

— Потому что земля здесь очень дорогая. Тридцать километров от Москвы, водоем — один из лучших. Большие люди здесь живут, миллионеры. Им порядок в их новом поселке нужен. Потому и штаты расширили. Чтобы вы, товарищ капитан, их охраняли.

— А я разве против?

— Нет, но... Говорят, олигархов больше нет, а штаты под них до сих пор меняют...

— А куда они делись, олигархи? Как были, так и есть... А лично я ничего не менял, — более весело, чем обычно, сказал капитан.

— Так не про вас же разговор... У кого-то из местных большие связи наверху. — Майор бросил быстрый взгляд в сторону элитного поселка. — Или деньги большие. Или то и другое...

— У кого конкретно?

— Не знаю, мне не докладывали. У нас досье на жителей Новой Серебровки нет...

— Новой Серебровки?

— Ну, если считать, что есть старая Серебровка, то элитный поселок — новая. Новая Серебровка для новых русских... И у меня для тебя, капитан, есть служебное задание. Хотелось бы знать, кто проживает здесь, кто чем занимается... Ну так, в плане общей информации...

— А что, старый участковый не знает?

— Кое-что он, конечно, знает. Но полной информации нет... Ну вот, мы приехали!

«Нива» остановилась возле каркасно-щитового строения в канадском стиле. Двухэтажное служебное здание в светло-серых тонах, пристроенный гараж с ав-

томатическими воротами, аккуратная оградка, служебный дворик с беседкой, тротуарная дорожка, спускающаяся к озеру. Сосны, березы, доцветающая черемуха с ее головокружительным ароматом. Это и был участковый опорный пункт милиции. Судя по всему, строительство было завершено совсем недавно.

Начальник службы участковых районной милиции смотрел на здание с восхищением и завистью.

— Как будто с неба все свалилось, — сказал он. — Не было ничего, и раз — как будто волшебной палочкой кто-то махнул. И опорный пункт построили, и штаты раздули. Машина своя... И не заберешь ничего отсюда...

— А не надо ничего забирать, товарищ майор, — шуточно, но не без укора предостерег его капитан Панфилов, которому предстояло заведовать милицией села Серебровка в двух ее ипостасях, Старой и Новой. — Чем больше людей, тем лучше. Да и машина не помешает: своей-то у меня нет.

Он заметно оживился, выбравшись из тесного салона служебного автомобиля. Расправил плечи, широкой грудью вдохнул привольный воздух сельской слободы.

— И офис ничего, мне нравится...

— Еще бы он не нравился! Комфорт, водопровод, все удобства... За каких-то три недели поставили... Знать бы, кто волшебник.

— Ничего, узнаем. Поработаем с контингентном, — Панфилов кивнул в сторону высокого дощатого забора, за которым прятался элитный поселок. — Может, что и прояснится... Только нужно ли это?

— Нужно, нужно. Благодетелей своих в лицо знать надо... Может, он в нашем РОВД захочет палочкой своей махнуть.

— Если найду, спрошу.

— Спроси, спроси, Марк Илларионович...

Майора Перелесова можно было понять. Здание опорного пункта поставили в рекордно короткие сроки, но с душой и знанием дела. И в обстановку были вложены немалые средства. Просторно внутри, светло, комфорт, отсутствие прогорклого казенного духа. Подвесные потолки, жалюзи на окнах с бронированными стеклами, недорогая, но элегантная мебель, в приемной большой кожаный диван. Четыре кабинета, три комнаты общежития на втором этаже, тренажерный зал, помещение эмоциональной разгрузки с плазменным телевизором, санузел в импортном кафеле. Одним словом, непозволительная роскошь для сельских участковых. И это при том, что их городской начальник работает в тесных и полутемных казематах районного отдела внутренних дел.

Кабинет начальника опорного пункта, он же старший участковый, по своим размерам и офисно-техническому оснащению вызывал у Перелесова неприкрытую зависть. Панфилов насмешливо повел бровью, когда майор водрузил свое седалище в кресло за главным столом.

— Может, мне сюда перебраться? Как ты думаешь, Марк Илларионович?

Панфилов лишь пожал плечами. Не привык он отвечать на риторические вопросы.

— Повезло тебе, капитан. Ничего не скажешь, повезло...

В кабинет зашел молодой офицер.

— Участковый уполномоченный младший лейтенант Затонов! — бодро отрапортовал он.

Улыбка до ушей, жизнерадостный огонь в глазах, смешные веснушки на носу, на щеках здоровый загорелый румянец. Высокий, худощавый, немного нескладный. Стрелки на форменных брюках наглажены до

бритвенной остроты, но сами штанины коротковаты — виден верхний срез неуставных туфель.

Сразу за ним в кабинет вошли два прапорщика. Помощники участковых. Молодежь. Молчаливые, плотные, крепкие и статные, как племенные бычки класса «элита-рекорд». У этих все в полном порядке — и с форменной одеждой, и с физической формой, и с душевным состоянием.

— Прапорщик Левшин, — представился один.

— Прапорщик Захарский, — назвалса второй.

Оба обращались исключительно к Панфилову. На Перелесова они даже не смотрели. Казалось, он для них не существовал вовсе.

— А Костромской где? — с важным видом спросил майор.

Левшин и Захарский даже ухом не повели. Откликнулся только Затонов:

— Так на выезде он. На ферме корова пропала, ищет.

— На ферме, корова, — передразнил его Перелесов и с сочувствием посмотрел на Панфилова. — Нелегко тебе с ним придется, Марк Илларионович, — Юрий Леонидович у нас парень с норовом...

Капитан Костромской долгое время был в Серебровке одним-единственным участковым. В принципе он и должен был возглавить опорный пункт со всеми его новыми штатами. Но судьба в лице начальника отдела кадров оставила его в прежней должности участкового и возвысила над ним капитана Панфилова. Обиделся Костромской, оттого и воротит нос от нового начальника.

— Ничего, разберемся, — пообещал Панфилов.

— Надеюсь, Марк Илларионович, очень надеюсь, — сановно глянул на него Перелесов.

Он был немногословен. В общих словах обрисовал

ситуацию в Серебровке, обозначил текущие и перспективные задачи, пожелал удачи и с затаенным чувством зависти направил семьдесят шесть лошадок под капотом своего «УАЗа» в обратный путь.

В полной мере ситуацию с криминогенной обстановкой на селе мог прояснить капитан Костромской. Панфилов решил присоединиться к нему в его розысках. Где находится ферма, он знал. Но оказалось, что искать его нужно в другом месте.

— В клубе он, — сказал Затонов и виновато отвел в сторону глаза.

— А корова?

— Корову он еще утром нашел... В клубе у него кабинет, не хочет он оттуда уходить... Там он сейчас...

Недолго думая, пешком Марк Панфилов направился к главной сельской площади. Оба прапорщика молча устремились за ним.

— А вы куда, господа помощники? — спросил он, осаживая их строгим взглядом.

— Э-э, ну, может, помощь нужна будет, — пожал плечами Левшин.

— Да и не спокойно здесь, на селе... говорят, — добавил Захарский.

— Кто говорит?

— Ну, говорят, — замялся прапорщик.

— Я уж как-нибудь сам. А вы отдыхайте. Пока есть возможность.

Старый опорный пункт размещался в сельском клубе. И кабинет участкового там же. Старый клуб, кабинет затрапезный, тесный, с одним-единственным телефоном, чудом сохранившимся с тридцатых годов. Но Панфилов был молодым лейтенантом, когда впервые получил назначение в Серебровку — тогда еще единую, не деленную на простонародную и элитную. Два года в

армии, два года в школе милиции, всего по две звездочки на погонах, зато впереди — целая жизнь... И воды много с тех пор утекло, и роза ветров изменилась...

Он шел по главной улице большого села. Пыльная дорога, подгнившие дощатые мостки вдоль нее — на случай дождливой погоды. Деревянные столбы с плохо натянутыми проводами, деревья не стройными, но пышно цветущими и зеленеющими рядами, бревенчатые избы, шаткие заборы. Раньше здесь царил образцовый порядок — нигде ничего лишнего на виду, дома вдоль главной улицы вовремя красились, крыши ремонтировались. Цветов было больше... Сейчас же и дома были блеклые, местами хлам у заборов, ржавый «Запорожец» без стекол и колес — как заноза в глазу. И навозом почти не пахнет. Если селянам лень возиться со скотиной, что уж говорить про дачников, которых здесь, пожалуй, было уже больше, чем местных жителей.

По пути он встретил старых знакомых, из далекого прошлого, двух родных братьев. Постарели мужики, ходят еле-еле, но глаза живые, шkodливые. Они узнали Марка Илларионовича, приподняли свои кепки в знак приветствия. Панфилов задорно улыбнулся им вслед. Давно не было у него на душе так раздольно-весело, как сейчас.

Клуб находился на главной сельской площади. Здесь все как прежде — церковь за железной оградой, здание сельского правления, двухэтажное здание сельсовета, магазин, за которым, как помнил Марк Илларионович, начиналась дорожка к сельскому клубу.

Аккуратные газоны, клумбы, пышные липы. И среди всего этого великолепия находился сельский клуб — длинное одноэтажное строение с обшарпанными стенами и пыльными, давно некрашенными окнами. Перед входом висел выгоревший на солнце плакат: «Дискоте-

ка. Пятница, суббота. 19.00». Все, больше ничего. Да и не нужны заманчивые обещания и красноречивые слоганы в условиях, когда конкуренция отсутствует напрочь. Один-единственный клуб на все село. Здесь же игорный зал, который не нуждался в рекламе по той же причине. Впрочем, за рекламный экспонат можно было принять меланхоличного здоровяка в черной униформе охранника на входе в мини-казино. Стоит на крыльце, заложив руки за спину, покачивается взад-вперед на широко расставленных ногах. Ни дать ни взять сельский унтер Пришибеев.

Вход в клуб никто не охранял. Мрачный гулкий вестибюль, скрипучий деревянный пол, прямо — двустворчатые двери, за которыми находился большой зал, влево — коридорчик с двумя помещениями для стражей порядка и небольшой камерой для задержанных. Кабинет участкового и пункт охраны правопорядка с добровольными его помощниками из представителей народной дружины. Одна дверь была приоткрыта.

Панфилов взялся за ручку, но дверь открывать сразу не стал. На мгновение представил себя молодым лейтенантом, только что прибывшим в Серебровку по распределению. Приятно было вспомнить молодость...

* * *

Сенька и Санька Караваевы, два брата-акробата — их так и называли за глаза. Смешные, вздорные и непутевые. То бой быков на ферме организуют, то гонки на тракторах. Без жертв, как правило, не обходилось. Марк только-только принял должность, еще даже не успел освоиться в своем кабинете, но уже знал, какая молва шла о братьях.

— Петуха у нас украли, товарищ гвардии лейте-

нант!.. — сокрушенно качая головой, начал было старший брат.

— Почему гвардии? — перебил его Марк.

У братьев украли петуха, и он должен был найти преступника.

— Потому что село у нас большое, без гвардии никак нельзя. А вы единственный у нас офицер. Потому и гвардии лейтенант! — не сморгнув глазом, объяснил брат младший.

— Странная какая-то логика.

— Ну почему же странная! — возмутился Сенька. — Железная логика! Мы другой и не знаем!

— Тогда, может, вы и вора уже нашли с помощью вашей логики?

— Ну, конечно! Санька сказал, что козел его какой-то спер. А если козел, то воняет от него. А если так, то он возле фермы живет. А возле фермы у нас Митька Стреляный живет... Мы бы к нему сами сходили, но у него кулаки дюже здоровые...

— Митька Стреляный?! — Лейтенант Панфилов с трудом сдерживал себя, чтобы не прыснуть со смеху. — Возле фермы? Козел вонючий?..

— Ага! — одновременно кивнули братья.

Они были серьезны, но при этом гримасы на их лицах были настолько уморительными, что им бы сейчас мог позавидовать сам Савелий Крамаров.

— Тогда, может, скажете, что у меня в сейфе лежит, если вы такие умные?

— Сейф железный, — переглянувшись с братом, сказал Санька.

— А если железный, то в нем что-то деревянное, — добавил Сенька.

— Ну а если деревянное... — крепко задумался один

мыслитель. — Сейф очень железный... Значит, деревянное с железным...

— Да, да, — поддержал брата второй. — Деревянное с железным... И тяжелый. Но не слишком... Молоток у тебя там, гвардии лейтенант!

Марк открыл сейф и в полном смятении чувств достал оттуда и положил на стол тот самый инструмент, который напорочили ему братья. Ни документов там не было, ни оружия, только молоток, который он сегодня утром взял у начальника клуба, чтобы починить расшатанный стул. Утром взял, сегодня. Братья никак не могли знать о нем.

— Пошли! — снимая с вешалки фуражку, решительно сказал Марк.

И вместе с братьями направился домой к Митьке Стреляному. Когда-то это был первый парень на деревне — красавец, задира. А ныне он считался первым алкоголиком на селе. Лохматый, запущенный, зубы гнилые. От него действительно воняло, как от некастрированного козла. Немытый, с глубокого похмелья, глаза сикось-накось.

Какое-то время Марк смотрел на него молча, с ехидной подначкой. Наконец жестко отчеканил:

— Братьев Караваевых обокрали. Говори, Дмитрий Батькович, куда животину краденую дел?

— Животину?! — возмутился Митька. — О чем разговор, начальник! Я даже не знаю, где они живут!.. Лешка Говорухин знает! Он у них в гостях был! Знает, где что!.. А я человек честный, начальник. И не нужен мне петух ихний!.. Что ж, если выпивает, то вор, значит, да?.. Вы у Лешки поищите. У него печень больная, ему врач бульон куриный назначил. Бульон, начальник! Куриный! Вот и делай выводы!

Марк сделал вывод и с удивлением, близким к исте-

рическому, посмотрел на братьев. Идиотская у них логика, но в Митьку Стреляного попали точно. Он украл петуха, сам же в том и признался. А Лешка Говорухин с его больной печенью здесь ни при чем.

ГЛАВА 2

Капитан Костромской недовольно поднял взгляд на своего начальника. Но парабола его бровей распрямилась, когда он узнал в нем Панфилова.

— Товарищ лейтенант? — изумленно протянул он, поднимаясь со стула.

— Уже капитан, как видишь, — от души улыбнулся Марк Илларионович.

Леонид Иванович Костромской уволился из милиции по выслуге лет, вернулся в родное село, возглавил пункт охраны правопорядка. Лейтенант Панфилов работал рука об руку с ним — сколько дел вместе раскрыли, сколько водки на пару выпили. Сыну Леонида Ивановича было тогда четырнадцать лет, а Марку — двадцать три года. Юрка часто бывал у отца, помогал ему выявлять самогонщиков и насаждения конопли в огородах. И ничего зазорного Юрка не видел в том, что своих же сельчан в руки правосудия сдает. Не видел, потому что с детства милиционером хотел стать. Так и вышло.

— Уже капитан, — кивнул Костромской. И многозначительно глянул на погоны Панфилова.

Дескать, в полковниках ему пора уже ходить, а он все в младшем офицерском составе.

— Уже... — ничуть не смутился тот. — Должность у меня хорошая была. Служилось хорошо, звания новые раз в год давали. С полковника начал, до капитана дослужился.

— Что за должность? — всерьез воспринял шутку Юра.

— Это анекдот такой есть. Не было никакой должности. И полковником я не был. Даже майором...

— А служили где?

— Участковым, в городе. Вот на повышение пошел. Родное, так сказать, село, старший участковый. Майора, может, скоро получу...

— Мне тоже майора пора получать, — невольно нахмурился Костромской.

— Да ты не переживай, парень. Я здесь долго не задержусь. Будешь еще начальником. Скоро будешь...

— Да ладно, чего уж там, — смутился Юра.

— Не ладно. Думаешь, я тебя не понимаю? На капитанскую должность желающих не было, а как майорскую ввели — так начальник со стороны вдруг объявился.

— Ну, если бы со стороны... Если б я знал, что вас назначат...

— А ты не знал?

— Нет. Сказали, что какой-то «варяг» будет...

— Поэтому и решил здесь остаться, в этом кабинете? Сам себе голова, а «варяги» — сами по себе, так?

— Да нет, — смущенно пожал плечами Костромской. — Просто я подумал... Опорный пункт для чего строили? Вернее, для кого?

— Для кого?

— Для новых русских, из коттеджного поселка. Их же охранять надо... А о нашей Серебровке кто заботиться будет?

— Значит, новый опорный пункт — для Новой Серебровки, а старый — для Старой?.. Если бы так, Юра, а то ведь обида в тебе говорит... Или уже все в прошлом, а?

— Ну, в прошлом... — не стал противиться Костромской. — Все равно Самсоныч кабинеты эти забирает.

Игорному клубу расширяться некуда. А сюда из Новой Серебровки наезжают, деньги неплохие крутятся. Игровой зал есть, бар еще нужен...

— Самсоныч, говоришь, забирает? — удивленно повел бровью Панфилов. — Он что, до сих пор у руля?

— Глава муниципального образования.

— Звучит... Надо бы к нему зайти, представиться. Сколько ему лет было, когда я уходил?

— Лет пятьдесят. Сейчас семьдесят. Здоровый мужик, сносу нет. Не курит, не пьет, зимой снегом растирается...

— Не пьет? С кем же мне тогда рюмочку-другую пропустить? — весело улыбнулся Панфилов. — С отцом твоим?

Юра помрачнел, насупил брови.

— Не с ним. А за него, — печально вздохнул он.

— Извини, не знал... Когда?

— В позапрошлом году, весной. Инфаркт...

Он поднялся со своего места, открыл сейф, вытащил оттуда бутылку водки, два стакана, четким привычным движением сорвал пробку.

Марк Илларионович выпил, не закусывая.

— Ух, зараза! Резка! Спирт с водой!..

— Что, не понравилось? — недоуменно глянул на него Костромской.

— Да нет... Дерьмо, если честно. Зато какая атмосфера!..

— Какая?

— Молодым себя почувствовал. На отца своего ты очень похож. Как будто лейтенант я, с Иванычем газ-квас... Эх, душевный был человек... А с Самсонычем я поговорю. Себе хочу этот кабинет забрать. Сам здесь буду заседать.

— Шутите?

— Нет. Нравится мне здесь... Может, я за молодостью сюда ехал. А новый кабинет мне, Юра, и даром не нужен...

— Но там же не только кабинет, там еще и общежитие...

— Не хочу.

— Там же комфортно. Мебель, плазма...

— Ерунда... Мне бы, Юра, дом обычный, деревенский снять...

— Я не знаю... Снять можно. Но если в сезон, то дорого выйдет. Места у нас элитные, так сказать, до Москвы недалеко, озеро — купанье, рыбалка. Летом дачников понаедет...

— Дорого, говоришь... — в глубоком раздумье покачал головой Панфилов. — А что значит, дорого?

— Если в среднем, то где-то тысяча в месяц. В долларах.

— Тысяча долларов в месяц... Для капитана Панфилова, может, и дорого... А если комнату снять? Мне бы ту самую, где я раньше жил...

— У Егоровны?

— У нее, — в легком ностальгическом волнении кивнул он. — Как она там, живая хоть?

— В позапрошлом году еще живая была. А как сейчас, не знаю. Дом продала, задорого, к дочке в город переехала...

— Хорошая женщина, обедами меня кормила. Самые вкусные пельмени — у нее... А дом хоть стоит?

— Куда там! Нет избы, снесли подчистую. Там сейчас особняк строится. Что вы хотите, первая линия у воды. Там земля самая дорогая... В новом поселке земли свободной уже нет, здесь выкупают...

— Пусть выкупают, лишь бы порядок был. Или проблемы?

— Ну как сказать, — пожал плечами Костромской. — Новые тихо живут, самогон не гонят, водку гуртом не жрут, жен по улицам не гоняют. Тихие омуты у них, свои там черти... В апреле одного из озера вытаскивали. Говорят, сам в прорубь нырнул... Не верю я. Думаю, что помогли...

— А может, и сам, — задумчиво изрек Панфилов.

— Глупости. Мужик в расцвете лет, богатый, сладкая жизнь, все такое. Дочь в Англии живет, сын во Франции, в Сорбонне учится. Сам с женой молодой жил. Видел я ее, красавица. А дом какой... Жить бы да радоваться.

— Молодая жена, говоришь? А старая где?

— Умерла. Так он молодую нашел...

— И что с того? С молодой по старой так затосковать можно...

Марк Илларионович ушел в себя, замолчал.

— Как? — спросил Юра, чтобы вывести его из ступора.

— Не знаю... Не было у меня старой жены... Все молодые... И красивые... Вначале вроде бы все хорошо, а потом такая тоска... О чем это я?

— О молодых красивых женах.

— Не все так просто, Юра, как кажется... И не такие уж они счастливые, эти новые русские, как тебе кажется...

— Вы откуда знаете?

— Знаю. Я же в Москве работал, с олигархом там одним разговаривал. Жаловался он мне. Плохо, говорит, когда денег под завязку. Ты думаешь, почему они с жиру бесятся? Потому что стремиться больше не к чему. Вот они и выдуриваются, кто во что горазд...

— Вот именно, что с жиру бесятся, — недоверчиво усмехнулся Костромской. — Им бы лопату в руки да зарплату три тысячи в месяц, посмотрел бы я, как они запели. На богатство жалуются, а бедняками быть не хотят...

— Жалуются. И не хотят... Но это не наши с тобой заботы, Юра. Пусть как хотят, так и живут. У них свои черти, а у нас, брат, свои тараканы... Может, на улицу выйдем, а?.. Как там в песне, глянем на село. Не знаю, гуляют ли там девки, но на душе у меня весело... Знаешь, анекдот такой. Сидят два червя в навозе, молодой и старый. Сын у папаши спрашивает — почему, говорит, одни черви в яблоках живут, другие в абрикосах, а мы в дерьме? «Понимаешь, сын, есть такое понятие — Родина!» Смешно? А мне не очень... Такое ощущение, что я в эту самую родину попал. И так на душе хорошо... Отвык я, Юра, без закуски пить. Захмелел я, кажется...

— На свежий воздух надо. Пошли, по селу пройдемся, покажу, что здесь да как...

— Нет, завтра покажешь. Давай на озеро сходим, по берегу хочу пройтись.

Панфилов давно уже мечтал вернуться в Серебровку. Но тянула его сюда не только ностальгия по молодости. Была у него в далеком прошлом девушка, которую он пытался, но так и не смог забыть. Девушка, сравниться с которой не могла ни одна женщина из тех, что время от времени ненадолго задерживались в его жизни...

* * *

В дверь постучали.

— Да, да! — отозвался лейтенант Панфилов.

В кабинет неуверенно вошел мужчина лет сорока. Робкий заискивающий взгляд, мятый дешевый костюм-двойка из селпо, в руках свернутая в трубочку кепка. Щека разодрана, правая верхняя бровь закрыта пластырем.

— Присаживайтесь, — Марк показал на стул.

— Да я постою, — угодливо улыбнулся тот.

— Ну, постоитте, Евгений Андреевич, постоитте, — усмехнулся Панфилов. — Еще успеете насидеться.

— Успею насидеться? — побледнел мужчина. — А что я такого сделал?

— Истребление и повреждение колхозной техники.

— Неправда.

— Давайте разбираться. В своей объяснительной вы пишете, что двенадцатого числа сего месяца возвращались с элеватора на закрепленной за вами машине. Не справились с управлением, в результате чего автомобиль марки «ГАЗ-51» сначала сошел с дороги, а затем упал с обрыва...

— Почему не справился? — беззубо возмутился проштрафившийся шофер. — Руль у меня заклинило, не смог машину выровнять. Пришлось на ходу выскакивать, чтобы не разбиться...

— Все равно ведь разбились? — Марк взглядом показал на его разодранную щеку.

— Ну так не насмерть же... Но коленку сильно расшиб. С земли подняться не мог...

— Но в больнице вас на ноги поставили.

— Да, спасибо Артему Кузьмичу, подобрал с дороги, в больницу свез...

— Итак, вы из машины выпрыгнули, а она с обрыва упала, загорелась и взорвалась.

— Да, загорелась, — кивнул Евгений Андреевич.

— А вы на ходу выпрыгнули?

— Да.

— Темно было. Сразу и не понять, где обрыв.

— Темно.

— Страшно, поди, было, когда выпрыгивали?

— Страшновато.

— А ключи у вас с брелоком.

— Да, футбольный мяч пластмассовый, дочка подарила...

— Пластмассовый. А в кабине жарко было, когда машина горела.

— Понятно дело, что жарко. Все выгорело.

— А мячик чудом сохранился. И ключики даже не закоптились...

Марк вытащил из ящика стола связку ключей от сгоревшей машины с брелоком в форме футбольного мяча.

— Как же так, Евгений Андреевич. Темно было, обрыв совсем рядом, страшно, а вы, прежде чем из машины выпрыгнуть, заглушили ее. Вытащили ключ из замка зажигания и заглушили...

— Ну а что здесь такого? — испуганно вжав голову в плечи, пробормотал бедолага-водитель. — Я же пытался ее остановить... Тормоза не работали...

— Как это тормоза не работали? Насколько я знаю, с тормозами все в порядке было. Руль у вас заклинило...

— Да, руль...

— А с тормозами все в порядке. Но вы ими не воспользовались...

— Поздно уже было.

— Поздно, — кивнул Марк. — Тормозить вы потом начали, когда машина уже упала...

— Когда это потом?

— А я сейчас объясню... Не успели вы на ходу ключи вытащить. Вы это потом сделали. Когда к разбитой машине спустились. А знаете, зачем вам ключи понадобились? Чтобы замок с бензобака снять. Бензобак у вас на замке был, правда же? Чтобы тимуровцы всякие бензин не пионерили, правильно?.. А в баке бензина много было. Вот вы ключом и открыли бензобак. Бензин в ведро слили, облили кабину, подожгли... А прежде чем поджигать машину, ключи надо было в замок зажигания

вернуть. А вы не догадались, Евгений Андреевич. Тормознули, так сказать... Зачем машину спалил? Пособник империализма! На ЦРУ работаешь? — Марк грозно хлопнул кулаком по столу.

— Нет... Не работаю... — подавленно пробормотал мужик.

— Врешь!

— Нет, не вру. Не работаю на ЦРУ...

— Тогда машину зачем спалил? — успокаиваясь, более мягко спросил Панфилов. — Говори, а то ведь в КГБ придется сообщить. Там тебе живо шпионаж припаяют.

— Не надо в КГБ... — Казалось, водитель вот-вот расплчется, настолько у него был жалкий вид. — Машина у меня совсем старая, еще пятидесятого года выпуска. Кабина наполовину деревянная, крыша дерматиновая. Такие с пятьдесят первого не выпускают, на таких давно уже никто не ездит. Да и я разве ж ездил? День едешь, неделю на ремонте стоишь. Не водителем, слесарем работал. Но я же не слесарь, у меня же за часы наезда начет идет. А нет начетов, одни убытки. Бывало, десять рублей в месяц зарабатывал. Другие по сто-двести приносят, а у меня — курам на смех. А ведь ночами, бывало, работал, чтобы эту рухлядь на колеса поставить... Мне новую машину обещали. Десять лет обещают, да все мимо проходят. А тут новые машины пришли, «пятьдесят третьи». А Пархоменко снова мимо меня смотрит. Чую, снова обойдут... А тут такая оказия... У машины правда руль заклинил. Я правда из кабины на ходу выпрыгивал... Спустился вниз, смотрю, а она не сильно разбилась. То есть сильно, но починить можно. Я же Пархоменко знаю, он меня чинить заставит, а это месяца на два, а то и на три. Снова без зарплаты сидеть... Ну я в сердцах-то и плеснул бензинчиком... А-а,

что хотите, то и делайте, товарищ лейтенант. В лагерь исправительный отправите, так там больше зарабатывают, чем я здесь...

— Ты мне, Курманов, зубы не заговаривай. Куда надо, туда тебя и отправят... Домой иди, поздно уже. Завтра с утра с вещами придешь. В район тебя отвезу. Там пусть решают, что с тобой делать. И не вздумай сбежать!..

Марк отвел вредителя домой, а сам отправился к завгару колхоза. Иван Петрович Пархоменко внимательно выслушал его, немного подумал для приличия, а затем сознался, что действительно держал Курманова в черном теле. Дескать, мужик работающий, к машине своей старой с большой любовью относился, вот на нем и ездили. Сам автомобиль простаивал из-за частых поломок, а на мужике ездили. Знакомая для каждого русского человека ситуация — кто везет, того и погоняют.

— Новую машину ему дали, — сказал завгар. — А рухлядь его давно уже списать надо было.

— Да, но его в тюрьму сажать надо, за умышленное истребление колхозной техники...

— Сажать? — с пеной у рта возмутился Иван Петрович. — А работать кто будет?

Вид у него был настолько вызывающий, что Марк не смог удержаться от дерзкого выпада в его сторону:

— Курманов работать будет. А посадят вас!

— За что? — опешил завгар.

— За скотское отношение к подчиненным!

Он ушел, оставив мужика с раскрытым от изумления ртом.

А утром к нему в комнату ворвалась взволнованная Егоровна, хозяйка дома, в котором он жил.

— Что ж ты, мил-человек, творишь? — по-старчески

всплеснула она руками. — Человека в неволю спроваживаешь. За что, спрашивается!

Марк оправдываться не стал. Мягко выдворил Егоровну из комнаты, оделся, вышел во двор, где и увидел бедного Курманова с опущенной головой. Старое спортивное трико, латаное-перелатанное, холщовый сидор за плечом, простецкая кепка на голове. В тюрьму собрался, бедолага.

— Не пушу!

Курманов был не один. Из-за его спины выскочила здоровенная женщина с круглым лицом и толстыми щеками — настолько толстыми, что во впадине между ними терялся маленький наперсточный нос.

— Не пушу! — закрывая мужа широко разведенными руками, повторила она.

Но Марк на нее уже и не смотрел. Все его внимание было приковано к юной девушке, если не сказать, к девочке, которая стояла позади своего отца, чуть в стороне, так, что была вся на виду.

Ожившая Аленушка с картины Васнецова. Такое же минорное настроение, трогательная нежность и романтическая печаль в глазах, простонародный наряд — скромное ситцевое платье, коса. Но эта Аленушка была во сто крат красивей, чем та, хрестоматийная. И волосы у нее светло-русые, с едва уловимой рыжинкой; не распущенные, а заплетенные в тугую косу. Глаза как два живительных родника с глубокой хрустально-чистой водой. Она смотрела на Марка, и он чувствовал, как немеют его ноги и отнимается язык.

— Слышишь, ирод, не пушу его в тюрьму! — снова возопила женщина.

Панфилов словно очнулся от забытья.

— Кто ирод? — возмущенно вкинул он брови. — Я, между прочим, при исполнении!

— А-а! — обрадовалась заступница. — Давай и меня тогда в тюрьму! Вместе с мужем поеду!.. И дочку нашу забирай!

Она протянула руку к прекрасной незнакомке, призывая ее к себе. Та подошла, встала под материнское крыло. Молча смотрит на Марка. С интересом и осуждением одновременно.

— Куда забирай? Никто никуда не поедет!

— А я сказала, мы вместе с мужем поедем!

— Езжайте. Садитесь на его новую машину и езжайте куда хотите. Хоть в тюрьму, хоть к черту на кулички! А я его никуда не повезу.

— Почему? — успокаиваясь, утешенно спросила женщина.

— Потому что разобрался во всем. Старая машина сгорела, списанная, материальной ценности не представляющая... А вас, Евгений Андреевич, в гараже ждут, работать надо, на новой машине.

— А-а, работать, — обрадовался Курманов. — Спасибо вам большое, товарищ лейтенант!.. Ну, я пошел?..

— Идите, идите.

Оправданный водитель ушел и увел с собой все свое семейство. Марк замороженно смотрел вслед уходящей девушке. Юная совсем, лицо еще совсем по-детски нежное и непосредственное, но какая фигурка! Тонкая талия, широковатые бедра, ноги длинные, а выпуклости сзади такие, что греховные мысли заскреблись в голове, как майские жуки в банке...

— Что, на девку засмотрелся? — подначила его Егоровна.

— Нет, — чувствуя, что краснеет, мотнул головой Панфилов.

— Ну что нет, если да... Смотри, девка восьмой класс только-только закончила. Совсем еще молодка. А ты

вон уже какой лоб здоровый!.. Смотри, не нагреси, а то ведь посадят. Как там у вас называется, за развращение малолетних, правильно я говорю?

— За совращение. И растление... Но это не ко мне. У меня и в мыслях нет...

Врал Марк. В мыслях бушевал самый настоящий ураган. Слышал он про любовь с первого взгляда, но не думал, что это может произойти с ним. А произошло. Он уже точно знал, что влюбился в свою Аленушку — безоглядно и безвозвратно.

— Ой, не надо, парень, я старая уже, вас, мужиков, насквозь вижу, — подзадорила его Егоровна. — Стрела тебе в сердце попала.

— Какая стрела? — не сразу сообразил Марк.

— Амурная... И ничего страшного в том, что ей пятнадцать только исполнилось. Раньше на Руси девки в двенадцать лет уже замуж выходили, детей рожали... Главное, не согреси прежде времени. Парень ты видный, года через три дом свой поставишь, будет куда жену молодую привести. Подрастет Настя, женишься на ней...

— Настя? Какая Настя?

— А та, на которой глаза твои бесстыжие застряли! Настя ее зовут.

— Настя... А я думал, Аленушка... Но Настя еще лучше... Пойду я.

— На службу?

— Ага. На дом зарабатывать.

Правду говорила Егоровна. По современным законам Настя — несовершеннолетняя. Но ведь совсем не обязательно жить с ней во грехе. Он рад будет дружить с ней платонически. Дождется, когда она повзрослеет, а потом уже и женится на ней.

Бревенчатый дом, обитый вагонкой. Свежевыкрашенные в зеленый цвет стены, желтые резные наличники, крытая железом крыша. Внутри добротные полы, чистенькие обои на стенах, деревенского колорита мебель, железная кровать с пружинной сеткой, перина чуть ли не в метр толщиной, русская печь, запах березовых дров и парного молока. Именно в таком доме и мечтал пожить Марк Илларионович. Чтобы чистота была, порядок, но чтобы русский дух чувствовался. Во дворе никакого хлама, разве что на штaketинах забора развешены битые старые кувшины — скорее для антуража, нежели из практических соображений. Мягкая травка-муравка под ногами, к баньке под уклон ведет посыпанная гравием тропинка. А банька на самом берегу озера... Красота.

Дачный сезон только-только начинался, подготовленные к сдаче дома в большинстве своем еще пустовали, поэтому Панфилову нетрудно было снять именно такой дом, который требовала его душа.

Чего требовала душа, то и получила. Марк Илларионович был в восторге от дома. Но... восторг был большим и объемным, как воздушный шар, но таким же пустым. И тупиковым... Он знал, что рано или поздно этот дом со всем его фольклором ему надоест. И скорее всего, это случится рано.

Вечером Панфилов напарился в деревенской баньке, на пару с Юрой попил старого доброго «Жигулевского» из сельпо, а ночью спал без задних ног, утопая в мягкой перине. Проснулся рано утром, сбегал к озеру, взбодрился в холодной воде.

На службу Марк Илларионович собирался в прекрасном расположении духа, с желанием поработать. Опорный пункт недалеко, чуть больше километра, и это